

МЕЧТАЙ
ЛЮБИ
ЧИТАЙ

ВЕРА
КОЛОЧКОВА

*Выбери
меня*

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К61

Художественное оформление серии
Елены Куликовой

Колочкова, Вера.
К61 Выбери меня : [роман] / Вера Колочкова. —
Москва : Эксмо, 2021. — 320 с.

ISBN 978-5-04-182206-4

Кто знает, где больше счастья — когда ты любишь или когда любят тебя? Своего первого мужчину Варя любила до самозабвения, но он решил с ней расстаться. Второй полюбил ее так, что пылинки с нее сдувал, но она была к нему холодна. И вот наконец судьба подарила ей любовь взаимную, правда, увы, с женатым мужчиной. Как быть — отказаться от счастья или начать жизнь с чистого листа, не думая о чувствах других людей? А есть ли у нее право ломать чужие судьбы?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182206-4

© Колочкова В., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

«Скорый поезд Воркута — Сочи прибывает на третий путь... Стоянка поезда двадцать минут...»

Голос диктора был сонным и недовольным, будто поезд Воркута — Сочи вовсе и не должен был прибыть на вокзал точно по расписанию, а свалился ниоткуда, заставив диктора вынырнуть из дремотного расслабленного состояния.

«Наверное, хорошо им там, в поезде... — вяло подумала Варя, рассматривая некрасиво сломавшийся ноготь на большом пальце. — Едут себе из холодной Воркуты в теплый Сочи, с наслаждением предвкушают... И правда, вот бы оказаться в том поезде, в купе на нижней полке! Хотя можно и на верхней, какая разница... Проснуться от толчка вагона, который остановился, услышать далекий сонный голос диктора... И догадаться из своего сладкого спросонья — ага, вон в какой город прибыли... Большой город... Глянуть бы на него в окно, да неохота...»

Интересно, когда же она успела сломать ноготь? Наверное, когда вещи собирала, уходя от

Максима. И не заметила, не до того было. Если б тогда землетрясение случилось или другой какой катаклизм, она бы тоже не заметила, наверное. Так все быстро и жестко произошло! Можно сказать, судьба сломалась, вся ее жизнь — разбилась вдребезги! А тут какой-то ногооть — подумаешь...

Варе никогда не приходилось проводить ночь на вокзале потому, что некуда больше идти. Бывало, слышала от других о таких вынужденных ночевках и вздыхала жалобно — бедные, мол, бедные... Но чтобы себя соотнести с этими «бедными» — такое и в голову не приходило. Но разве кому-нибудь приходит в голову что-то подобное, когда в жизни все хорошо, когда есть теплый дом и гарантированный бутерброд с маслом к завтраку? Когда живешь себе и живешь и не задумываешься ни о чем...

Выходит, надо было задуматься. Надо было предполагать, пугаться, искать запасные варианты. Но опять же — кто это задумывается о вариантах, когда жизнь течет счастливо и беззаботно, обещая впереди еще больше счастья?

Но теперь-то, теперь... Зачем об этом думать? Только себя убивать. А она, Варя, и без того убита. Причем убита дважды за день. Если предательство можно считать убийством, конечно. Неожиданное предательство, будто нож в спину.

Краем глаза она увидела, как по проходу медленно бредут двое мужчин в форме, и вжалась испуганно в сиденье, сунув руки в карманы ветровки. И в самом деле, а если к ней подойдут, попросят билет показать? Что она им станет объяснять, если никакого билета нет и в помине? Что ей ночевать негде? Ну да, ага... Они только этого ответа и ждут, чтобы попросить ее пройти на выход... Интересно, какой умник придумал это правило? А если, допустим, человеку и в самом деле ночевать негде? Хотя бы одну ночь — почему нельзя-то? Одну-единственную ночь, может, самую отчаянную в жизни...

Наверное, нельзя делать вид, что она боится. Наверное, надо сесть прямо, расслабить лицо и изобразить на нем безмятежность. Или хотя бы накинуть на него тень обреченности и усталости от долгого ожидания. Да, пожалуй, что так... Наверное, обреченность выглядит достоверней безмятежности. Пусть полицейские думают, что она транзитная пассажирка, волею судеб застрявшая на вокзале.

Наверное, все-таки Варя переиграла — то ли с обреченностью, то ли с безмятежностью. Не сориентировалась в промежуточных оттенках. Потому что один из полицейских прямоиком направился к ней с явной готовностью задать свой сакраментальный вопрос...

— У вас есть билет, девушка?

— Нет... У меня нет билета.

— Но без билета находиться на вокзале в ночное время не положено... Ничего не поделаешь, такие правила...

— Да, я знаю. Я сейчас уйду, извините.

— А вам что, ночевать негде? Можем проводить вас до привокзальной гостиницы, хотите?

— Нет, не надо в гостиницу. Все равно у меня денег нет.

— Как же так, девушка? Может, и документов у вас никаких нет?

— И документов нет. То есть они есть в принципе... Но с собой нет.

— А прописаны вы где?

— У меня все в порядке с пропиской, правда. Извините, я пойду...

— Куда вы пойдете?

— Домой пойду... По месту прописки.

— Точно?

— Да. Точно. Если нельзя ночевать на вокзале, я уйду.

Варя торопливо поднялась с места, и на лице полицейского отобразилось нечто вроде удивленного смущения — не ожидал такой быстрой реакции, наверное. Ожидал, что она будет канючить, плакать, просить. А чего просить-то? Нельзя так нельзя... Можно и уйти, по улицам побродить остаток ночи. Ей уж теперь все равно, куда свою душеньку неприкаянную приспособить...

— Господин полицейский... Или как вас там... Товарищ милиционер... Что ж вы молодую девушку в ночь прогоняете, так же нельзя! — услышала Варя за спиной возмущенный мужской голос и обернулась, движимая автоматическим любопытством — кто это, интересно, вдруг решил за нее заступиться?

Защитником оказался деревенского вида дядька, плотный, краснощекий, с розоватой блестящей лысиной. Добрый дядька, наверное. Надо бы подойти, спасибо сказать... Да ладно, обойдется. Она же не просила заступничества, вот и не надо... Ей теперь вообще ничего не надо. Ей теперь все равно. А пропадать и без лишнего заступничества можно. Так даже лучше. Чтобы вообще — ничего...

— Нет, что же это такое, гражданин... Товарищ... Как вас там теперь называют, не знаю! Что же вы делаете, а? Как вам не стыдно? — продолжал возмущаться дядька. — Это же превышение полномочий, между прочим! Сейчас не те времена! Вон сейчас на каждом углу рапортуют, что не человек живет для государства, а государство старается для человека! Вам разве вокзальной скамьи жалко? Что от нее, убудет за ночь, от этой скамьи? А вы... Это же произвол настоящий...

— А у вас билет есть? — равнодушно перебил его полицейский.

— У меня-то есть! Есть, конечно! Но речь ведь не обо мне!

— Прошу вас предъявить билет...

— Да вот же, пожалуйста! Вот мой билет! Отправление поезда в шесть утра!

Варя не услышала, чем закончился диалог доброго дядьки и равнодушного полицейского, — толкнула тяжелую дверь, вышла на улицу.

Шел дождь, дул сильный ветер. По привокзальной площади бежали редкие пассажиры — кто-то спешил поскорее нырнуть в теплый зал ожидания, кто-то бежал к стоянке такси, укрываясь от дождя под капюшонами и зонтами. У каждого была своя цель. А у Вари никакой цели не было. Оставалось только под дождь — и в ночь... У нее даже капюшона на куртке не было. И зонта тоже.

Она подняла воротник, сунула руки в карманы, поежилась. Да уж, если погулять по такой погоде часика три... Запросто можно схватить воспаление легких... А потом помереть под забором, да... И Ольга бы хоронила ее и плакала, плакала...

Варя содрогнулась, испугавшись, как далеко зашла в своих обиженных мыслях. Ольга ведь ей, по сути, ничем не обязана... И обвинять ее в чем-то — сущий инфантилизм, честное слово. Детская обидка. Ведь если не считать их ссоры, которая произошла вечером, больше и предъявить Ольге нечего.